

Советская модель экономики: почему мы от нее отказались?

Долгое время считалось, что социализм (первая фаза коммунистической формации), который на деле был построен в нашей стране, — это не только самый прогрессивный, но и прочный общественный строй, своего рода монолит, способный успешно решать многие стратегические задачи развития производства, его эффективности, потребления и жизненного уровня людей. В других социалистических странах, возникших после Второй мировой войны, люди также питали иллюзии в отношении сущности и перспектив развития этого строя.

Экономическая основа социализма — **государственная собственность** вместе с централизованным управлением и планированием всей экономики, подкрепленная невероятной мощью партийного аппарата, а также КГБ и армией, казалось, образовала такую крепость и мощь, что в мире нельзя было найти сил, чтобы ее поколебать. Но в 1989—1991 гг. социализм рухнул почти везде, как карточный домик. Силы разрушения нашлись, более того, они уже давно зрели внутри общества и экономики "реального социализма". В годы "военного коммунизма", индустриализации, коллективизации и войны, т. е. в периоды чрезвычайщины и мобилизации, эти силы не могли проявить себя, и лишь в послевоенные годы мирного развития наружу вышли все внутренние противоречия, вся гнилость и нежизнеспособность "нового строя". Однако они не были глубоко осмыслены и проанализированы на научной основе в нашей стране.

После падения "реального социализма" прошло уже немало времени, а серьезных капитальных исследований недавнего прошлого страны как не было, так и нет. Есть, правда, призывы разработать новую **парадигму** экономических знаний. Но как это сделать, не разобравшись и не отказавшись от старой парадигмы и ценностей "реального социализма"? Значит, вешка еще инерция прошлого. И чем скорее мы с этим разберемся, тем легче нам будет идти вперед. Переход к новой парадигме невозможен также без отказа от *ошибочных теоретических конструкций* и *большевистской практики*.

Попытаемся проанализировать сущность экономической модели "реального социализма", созданного в нашей стране.

11.1. Об истоках большевизма

Большевизм — о крайне левое и радикальное ответвление от марксизма, оформившееся в начале XX в. и добившееся политической победы в России в 1917 г. Большевизм во многом противоречил основополагающим идеям Маркса, но полностью отвечал национальным традициям и текущему моменту в истории нашей страны. В сущности, главный исток большевизма лежит в стремлении огромной массы людей изменить (улучшить) социальные условия своего существования. А условия эти и в ныне развитых странах в прошлом были порой ужасающими, не говоря уже о России. Поэтому для большевиков идейная подпитка шла как извне, так и изнутри России.

Внешние истоки большевизма связаны прежде всего с марксизмом, практикой "государственного социализма" в Германии при Бисмарке, со всевозможными утопическими теориями и религией.

Именно Маркс создал удобную идеологическую конструкцию вокруг идей классов и классовой борьбы, обнищания пролетариата, неравенства в распределении доходов и богатств, в результате чего призвал к "экспроприации экспроприаторов". Однако жизнь очень скоро показала, что классовые различия совсем не обостряются, что наряду с классовыми в обществе существуют многие другие (еще более острые) различия: национальные, религиозные, клановые, культурные, номенклатурно-бюрократические и т. д. Тем не менее для революционеров-профессионалов было очень удобно взять на вооружение

идею создания райского процветающего общества, существующего без классов на базе обобществления средств производства и рационального (по науке) управления.

Революционеры-профессионалы, бунтари всех мастей (в истории их было великое множество, и, приходя к власти, они обычно приносили великие несчастья своему народу) создавали на этой идейной основе в XIX—XX вв. культ революции, насильственного переворота вообще. Но потом неизбежно оказывалось, что это прямой путь к личной диктатуре, абсолютной власти, авторитаризму и безграничному насилию (тоталитаризму).

В древние времена и в Средневековье такие общественные формы образовывались в государствах фараонов, инков, иезуитов в Парагвае, в Китайской империи. Существовали они и в древней Спарте, в христианских, индийских общинах, различных мессианских сектах в разных странах. Вспомним первобытный коммунизм у племен на заре человечества. Этот мир нельзя было назвать миром свободных людей или товаропроизводителей. Это был мир военного, религиозного или бюрократического насилия и принуждения в интересах единоличного или группового господства.

В таком мире нет полноценного рынка, нет хозяйственного расчета и определения истинной стоимости (ценности) вещей, зато есть распределение по указанию "сверху". Недаром Маркс писал, что в основе стоимости лежат общественно необходимые затраты рабочего времени, но при этом игнорировал потребительную стоимость (полезность), спрос и предложение, различия в качестве труда. В годы "военного коммунизма" большевики стали вводить вместо денег *талоны* и *ордера* с указанием, что на производство данного продукта потрачено такое-то количество трудовых часов, разрабатывались также энергетические сертификаты и т. д. Это прямо вытекало из предначертаний Ф. Энгельса: "Когда общество вступает во владение средствами производства и применяет их для производства в непосредственно обобществленной форме, труд каждого отдельного лица, как бы различен ни был его специфический характер, становится с самого начала и непосредственно общественным трудом. Чтобы определить при этих условиях количество общественного труда, заключающегося в продукте, нет надобности прибегать к окольному пути; повсе-

дневный опыт непосредственно указывает, какое количество этого труда необходимо в среднем... План будет определяться в конечном счете взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда. Люди сделают тогда все это очень просто, не прибегая к услугам прославленной стоимости"¹.

Из подобных рассуждений возникли троцкистские идеи трудовых армий и боевых профсоюзов, вся советская практика планирования и ценообразования, а также уравнительного распределения доходов в СССР.

Находясь под гнетом государственного бюрократического аппарата, многие марксисты и иные утописты призывали к отмене не только денег, но и государства. Однако как только они приходили к власти, то в первую очередь проявляли заботу об укреплении государственных рычагов управления. Примером служил германский опыт "государственного социализма" при Бисмарке.

Именно немцы уже тогда провозглашали централизованное государственное управление и планирование в интересах якобы свободы. И хотя социалистическая идея родилась не в Германии, именно здесь она была наиболее развита, получила воплощение в марксизме и была благожелательно воспринята в России. Как свидетельствует Ф. Хайек, немцы даже вынашивали идею об организации новой Европы. Именно Бисмарк позволил создать "образец экономического устройства", в котором "были заранее созданы все условия, необходимые для победы социализма", а все люди перестали быть частными лицами и превратились в государственных служащих. Их целью стало не личное или семейное счастье, а укрепление организационного единства государства, приобретшего небывалую власть и силу.

Задолго до Маркса и Бисмарка существовали разнообразные *утопические* и *религиозные концепции*, которые, с одной стороны, утверждали общечеловеческие принципы справедливости ("не убий", "не укради" и т. д.), формировали идеи социальной защищенности, равенства и братства, провозглашали идеи построения "земли обетованной", "городов Солн-

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 321.

ца" и т. д., а с другой — утверждали необходимость отмены частной собственности, предпринимательства и торговли. Известно, что католическая церковь вплоть до XVIII в. выступала против частной собственности, в годы Средневековья в Европе прошло немало религиозных бунтов против частной собственности.

Все это формировало социалистические идеи, марксизм и не могло не оказывать воздействие на российский большевизм. Родоначальникам этих идей и в голову не приходило, что реализация их на практике выльется в рабский труд, равенство в нищете, обязательную принудительную веру, неэффективность производства, авторитаризм и даже тоталитаризм с претензией на мировое господство с явной агрессивностью.

Чрезвычайно важным оказалось воздействие на формирование большевизма *внутренних российских источников*, значение которых недооценивается до сих пор. Говоря о внутренних источниках большевизма в России, мы имеем в виду прежде всего российских **народников**, хотя многие из них были эмигрантами.

Однако прежде всего речь идет о наших исторических традициях, связанных с централизованным государственным управлением громадной территорией с разнообразным этническим, социальным, экономическим и политическим укладом в региональном аспекте, о традициях дикого крепостничества, очень напоминающего рабство, об *отсутствии* ренессанса и реформаторских движений, характерных для Европы, о слабости отношений частной собственности и восточном деспотизме (вспомним не только Ивана Грозного, но прежде всего Петра I).

Все это формировало особый *менталитет коммунальности*, который в советское время стали называть коллективизмом. Этот менталитет возникал естественным путем на почве борьбы за выживание на обширном пространстве огромной страны с суровым климатом при обилии враждующих между собой сил, а также с трудностями, подчас несоизмеримыми с теми, что преодолевались в странах Запада. Россия испытала не только гнет татарского ига, но и большие и малые крестьянские бунты и восстания.

Огромное воздействие на формирование народнического революционного движения в 60—80-х годах XIX в. оказали

традиции *государственной деспотии и крепостничества*. Крестьянская реформа 1861 г. решила далеко не все проблемы и носила половинчатый характер. Это и породило особый энтузиазм и революционный настрой в широких слоях российской интеллигенции и особенно молодежи. В то же время народники боялись грядущего капитализма в России и верили в особый, некапиталистический путь развития страны.

Внутренняя социально-экономическая и политическая ситуация после 1861 г. послужила той питательной средой, в которой зарождались конкретные революционные течения в России. Их идейная база формировалась на основе работ А. Герцена, Н. Чернышевского, М. Бакунина, С. Нечаева, П. Лаврова, П. Ткачева и Г. Плеханова.

Но если быть более точными, то российская общественная мысль впервые "заболела" социализмом намного раньше: после выступления декабристов в 1825 г. Именно они "разбудили" (выражение Ленина) не только Герцена, но и значительную часть дворянской и разночинной интеллигенции, обостренно воспринимавшей социальные проблемы и болезни своей страны. У российской интеллигенции образовался своего рода комплекс вины перед своим народом, который породил сначала просветительский, а затем и революционный социализм, напрямую связанный с террором.

Другая часть российской интеллигенции разглядела в этом революционном романтизме и фанатизме якобы "во благо народа" проявление неразумной "бесовщины" и встала на путь серьезных научных размышлений о природе российского общества и нормальных перспективах его развития в направлении социально-экономических реформ, развития демократии и гражданского общества, как это объективно происходило на Западе. Но перевес, пожалуй, был на стороне первых.

А. Герцен, который в молодости, находясь в России, был западником, а уехав за границу и не приняв Запада, стал славянофилом, известен как идеолог "крестьянского социализма". Он резко осуждал крепостничество, требовал освободить крестьян и наделить их землей. Герцен верил в самобытность России, в ее светлое будущее, в особую судьбу на базе крестьянской общины, но в то же время, в отличие от многих своих последователей-народников, выступал против революци-

онного террора, диктатуры и централизованной власти, стоял за демократию и свободу личности.

Н. Чернышевский, как и Герцен, видел в крестьянской общине особый путь России, ратовал за нового человека и его свободу. Он выступал за создание революционной элиты, тайных групп революционеров-профессионалов типа супермена Рахметова, аскетов, готовых на самопожертвование, подчиняющихся строгой дисциплине и поддерживающих террор во имя всеобщего равенства.

Этот тип российского якобинца хорошо понятен, ибо детально описан в художественной литературе. Чернышевский верил в социалистические **идеалы-утопии**, в объективную обусловленность социализма в России и стал, как и Герцен, идейным вдохновителем революционного движения в России в 60—80-х годах XIX в., т. е. народничества.

М. Бакунин также был одним из идеологов народничества, но одновременно яростно пропагандировал анархизм, бунтарские методы революционной борьбы, выступал за ликвидацию государства, был постоянным оппонентом Маркса.

С. Нечаев вступил на революционный путь на волне, вызванной убийством царя Александра II и последовавшим за ним террором. Еще при жизни он стал легендой. Многие его сторонники находились под гипнозом его личности, его убежденности и демонизма. Утвердилось понятие **нечаевщина** — особый путь революционного движения в России, связанный с разгулом "российского якобинства", доведенного до фанатизма, когда цель оправдывает любые средства во имя свержения царизма — оплота тирании. Нечаева многие обвиняли в бланкизме, т. е. в кружковщине, сектантстве и заговорщичестве. Он был организатором тайного общества "Народная расправа"; в 1869 г. убил по подозрению в предательстве студента И. Иванова и бежал за границу. Многие видят в Нечаеве черты Л. Троцкого.

П. Лавров делал акцент не на профессионалов и революционеров-суперменов, а на "хождение в народ", на подготовку революции путем разъяснительной работы с народом. Эффект оказался значительным: начиная с весны 1874 г. тысячи молодых юношей и девушек "пошли в народ", разъясняя ему суть тирании, его права и свободы, а также идеи утопического

социализма. Это был особый тип миссионерства, которое, однако, натолкнулось не только на пассивность и безграмотность широких народных масс, но и на сопротивление властей, сопровождавшееся массой арестов и судебных процессов.

В отличие от Герцена и Чернышевского, Лавров не делал ставку на крестьянскую общину, а призывал народ осуществить необходимые преобразования. В этом он находил поддержку у Герцена и Бакунина, с которыми тесно сотрудничал, находясь в эмиграции.

Тем не менее в России все более становилось ясно, что для настоящей революции требуется организация. Сам Лавров говорил о необходимости создания *политической народной партии*.

П. Ткачев, учитывая опыт Лаврова, стал духовным наследником Нечаева и народников, связующим звеном между Чернышевским и Лениным, прямым предшественником и вдохновителем Ленина. Это был мощный и оригинальный мыслитель, создавший своего рода смесь якобинства, народничества и марксизма. Ткачев стал центральной фигурой революционных брожений в России 70—80-х годов XIX в.

Как и Чернышевский, Ткачев верил в крестьянскую общину, в особый, некапиталистический путь для России. Он не разделял взглядов Лаврова, считая, что следование им лишь замедляет революционный процесс в России. Лавров же не преминул обвинить Ткачева в "нечаевщине".

Опираясь на Маркса и Нечаева, Ткачев создал собственную *теорию революции* применительно к России. Она включала следующие положения:

1. Любая революция совершается не большинством, а меньшинством народа (именно меньшинство быстрее и лучше осознает потребности всего народа).
2. Чем скорее совершается революция, тем лучше для нее. Россия развивается по тем же законам, что и Европа, где уже давно нет революционной ситуации. Община разваливается, крестьянство расслаивается, промышленность бурно развивается, и революция должна свершиться в ближайшие 10—20 лет, пока капитализм окончательно не обосновался в России, ибо рабочему классу легче иметь дело с политической силой царизма, чем с силой капитала.

3. Необходимо создать революционную партию, за границей она должна иметь свой журнал в эмиграции, который должен помогать партии и революционному процессу. Партия же должна быть конспиративной, хорошо организованной. Именно в недозрелой России такой партии легче убедить народ в преимуществах коллективной собственности.

В отличие от предшественников Ткачев пришел к выводу о необходимости захвата власти революционерами в целях осуществления общественных идеалов с помощью этой власти. Через 30 лет Ленин в работе "Что делать?" будет развивать подобные же мысли и программные положения. Готовя со своими соратниками большевистский переворот в России, он во многом отошел от теории революции Маркса и опирался на российские революционные традиции. Ведь Маркс никогда не говорил о социалистической революции в какой-либо одной, тем более недостаточно развитой, стране. Наоборот, он говорил о революции в нескольких развитых странах одновременно.

Более последовательным марксистом, в отличие от Ленина, был Плеханов, который также опирался на опыт народничества в России. После 1875 г. он стал одним из руководителей "Земли и воли", "Черного передела". С 1880 г. постоянно жил в эмиграции, где и превратился в убежденного марксиста, верящего в возможность победы социалистической революции лишь при достижении обществом высокого уровня индустриального развития и наличия мощного пролетарского слоя, одновременного и мирного революционного преобразования сразу в ряде стран, а не "в одной отдельно взятой стране". Был в числе основателей РСДРП, газеты "Искра".

После Второго съезда РСДРП Плеханов, как известно, стал одним из лидеров меньшевиков (российских социал-демократов), предсказал печальное будущее большевизма, а в 1917 г. поддержал Временное правительство и осудил октябрьский переворот большевиков, которых назвал "кривыми вожаками". В октябре 1917 г. Плеханов писал: "...Не потому огорчают меня события последних дней, чтобы я не хотел торжества рабочего класса в России, а именно потому, что я призываю его всеми силами души... вспомнить замечание Энгельса, что для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к

этому еще не готов... <Этот захват> (Уточн. авт.) заставит отступить его далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года"¹.

Умер Плеханов в 1918 г., отвергнутый и не принятый новой страной и обществом, хотя и считался учителем В.И. Ленина. Фигура, несомненно, трагическая.

Интересно, что в 1903 г., сразу же после Второго съезда РСДРП, один из виднейших меньшевиков, П. Аксельрод, также высказал важное предупреждение: «Если на Западе преобладают процессы саморазвития и самовоспитания рабочего класса, то в России особую роль приобретает воздействие на рабочих радикальной интеллигенции, объединенной в организацию профессиональных революционеров. При этом вся социал-демократическая партия превращается в построенную по строго иерархическому принципу пирамиду, на вершине которой стоят партийные "столоничальники", а внизу находятся бесправные рядовые члены, своего рода "винтики" и "колесики", которыми по своему личному усмотрению распоряжается вездесущий руководящий центр»². Сказано это, как видим, предельно точно.

В конце XIX — начале XX в. революционные брожения в России наталкивались не только на поддержку известных слоев российской интеллигенции, но и на сопротивление со стороны других слоев, не говоря уже о правящих кругах. В этом отношении характерно мнение известного русского статистика, руководителя Статистического комитета и Статистического совета России в начале XX в. П.И. Георгиевского, который был принципиальным противником социалистических идей в России, пользовавшихся большой популярностью, в частности, в студенческих аудиториях. Он писал: "Отравление учащейся молодежи социалистическими фантазиями, подносимыми... под видом положений науки с университетской кафедры, может иметь для молодежи в лице нескольких поколений ее и для целого государства самые печальные последствия, предупредить которые по мере сил считаю своим нравственным долгом. В течение всей моей ученой и преподавательской деятельности, т. е. более 30 лет, я всегда печатным и устным

1 Цит. по: Гайдар Е. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. С. 94.

2 Цит. по: Независимая газета. 1998. 13 марта.

словом... ратовал против социализма как ненаучного и опасного вероучения"¹.

Тем не менее социалистические революционные идеи имели большое хождение в России и пользовались широкой популярностью. Весьма характерное настроение российского общества накануне октябрьского переворота 1917 г. хорошо описывает А. Солженицын устами своего героя: "Весь продовольственный кризис — от игры спроса и предложения, от спекуляции. А установить завтра социалистическое распределение — и сразу всем хватит, еще и с избытком. Голод прекратится на второй день революции. Все появится — и сахар, и масло, и белый хлеб, и молоко. Народ все возьмет в свои руки — и запасы, и хозяйство, будет планомерно регулировать, и наступит даже изобилие. Да с каким энтузиазмом будут все производить! Можно больше сказать: разрешение продовольственного кризиса и *невозможно* без социализма, потому что только тогда общественное производство станет служить не обогащению отдельных людей, а интересам всего человечества!"²

Да, социалистические идеи, воплощенные в нашей стране большевиками, стали для народа верой и религией на многие десятилетия. Они и привели к формированию исторически тупиковой, неэффективной нерыночной советской модели экономики.

11.2. Кавалерийская атака на капитал и первые шаги к новой экономической модели

Опираясь на отобранный предшествующий опыт, большевики создали профессиональную партию революционеров. Именно они удачно воспользовались катастрофическим положением России в период Первой мировой войны и зревшим в течение долгого времени широким социальным недовольством, в частности недовольством институтом авторитарной власти царизма в стране. Формирование классической советской модели экономики (ее порой называют сталинистской или сталинской моделью) началось при Ленине, в годы "военного коммунизма" и после известного перерыва, связанного с

1 Цит. по: Вопросы статистики. 1997. № 10. С. 94.

2 Солженицын А. Красное колесо // Наш современник. 1990. № 8. С. 51.

нэпом, продолжилось и завершилось Сталиным в годы индустриализации и коллективизации. Эта модель сохранилась вплоть до развала СССР в 1991 г.

Большевики силой разогнали Учредительное собрание, где имели немногим более 20% голосов, и установили в стране террор. Все несогласные и классово чуждые оказались под угрозой существования. Огромную роль в то время играли силовые структуры — отряды Красной гвардии и ВЧК. В конечном счете все это привело к гражданской войне.

Теоретической базой для большевиков стали утопические идеи Маркса и Энгельса, считавших социализм справедливым обществом, свободным от таких губительных пороков капитализма, как эксплуатация, безработица, рыночная стихия, нищета, паразитизм буржуазии, погоня за прибылью. Социализм позволит реально удовлетворять насущные потребности людей, будет создана совершенная общественная система и экономика, движимая исключительно научным, квалифицированным управлением и планированием "сверху". Со временем эта система завоюет весь мир, освободит развивающиеся страны от колониальной эксплуатации, а развитие производительных сил человечества обеспечит всем рай на земле. Для реализации этих идей стала создаваться особая экономическая модель как инструмент для осуществления, казалось бы, самых благих пожеланий: с помощью централизованных решений и команд (но не рыночного механизма) определять, что и сколько производить, кому и по какой цене продавать.

В течение более 70 лет эта модель распространялась на многие другие страны. Ее опробовали более 30 стран — не только Китай, Куба, страны—члены СЭВа, но и многие развивающиеся страны (Эфиопия, Танзания, Никарагуа, Индонезия и др.). Поэтому важно понять, почему эта модель не выдержала испытание временем и без большого кровопролития перестала существовать, закончив свою жизнь естественной смертью.

Захват политической власти в России большевиками в октябре 1917 г. сопровождался захватом экономической власти, которая распространялась на землю, банки, крупные промышленные предприятия, железные дороги, помещичьи имения и др. Рабочие занимали предприятия и прогоняли их хозяев, но при этом управление производством переходило не в руки

рабочих и крестьян, как утверждалось в лозунгах и политических требованиях, а в руки большевиков. Ленинский девиз "Грабь награбленное!" был не пустой фразой, а руководством к действию.

На каждом национализированном предприятии создавались фабрично-заводские комитеты (ФЗК), подчинявшиеся либо непосредственно ВСНХ, либо местным совнархозам, состоявшим из преданных делу революции большевиков. Две трети состава ФЗК назначались соответствующим совнархозом и лишь одна треть избиралась профсоюзным собранием предприятий. Продукция национализированных предприятий не продавалась, как раньше, а распределялась в порядке натурального обмена. Была введена **карточная система**, все получали одинаковый голодный паек, вместо денег выдавались так называемые трудовые единицы. Национализированные предприятия перешли в собственность не рабочих коллективов, а государства, ею стали управлять Совет народных комиссаров (СНК) и наркоматы.

Земля была национализирована первым же большевистским декретом. Она объявлялась государственной собственностью, и российские крестьяне надолго перестали быть собственниками своей земли. Хранение иностранной валюты и золота запрещалось, в случае обнаружения они подлежали конфискации. Во многих российских семьях конфисковывались произведения искусства, антикварные ценности, украшения из золота, серебра, драгоценных камней. Массовому разграблению подверглась Русская православная церковь. Часть отобранных у народа ценностей была затем разворована партийным и кагэбистским начальством.

Итак, большевики очень быстро ввели две вертикали управления экономикой — партийную и хозяйственную, которые заменили прежние традиционные горизонтальные товарно-денежные связи. Эти первые две вертикали вскоре дополнила третья вертикаль — ВЧК, которая постоянно наблюдала за ходом экономических процессов в стране и железной рукой устраняла сохранявшиеся элементы товарно-денежных отношений с целью ликвидации рынка, замены его централизованным распределением продукции. Позднее был создан *план ГОЭЛРО* и на его основе организован *Госплан СССР*. План стал реальным заменителем рынка. К этому следует добавить введение в апреле

1918 г. государственной монополии на внешнюю торговлю¹. Еще раньше большевики отказались от выплаты царских долгов, что вместе с введением монополии на внешнюю торговлю заставило Запад заморозить российские активы за рубежом и объявить эмбарго на торговлю с Россией.

Столь решительная кавалерийская атака на капитал была предпринята большевиками в полном соответствии с учением Маркса и Энгельса о социализме как плановой (научной) нетоварной системе, где отсутствуют деньги и нормальный товарообмен, существует централизованное управление экономикой. Ленин любил сравнивать такую экономику с часовым механизмом или с четко работающей фабрикой или машиной. Он писал: "Превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководствовались одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи"². И еще: социализм "есть построение централизованного хозяйства из центра"³.

Давно придуманная, но нигде ранее не апробированная схема легла в основу крутых переворотов в огромной стране для огромного народа, который послушно ей последовал. Не все это, так сказать, в теории, а для практической реализации старой утопии использовался реальный опыт военно-административного государственного управления экономикой в России и Германии в период Первой мировой войны. В обеих странах государство вынуждено было прибегнуть к чрезвычайным и мобилизационным мерам военного времени для снабжения армии и населения продуктами питания с полным игнорированием рыночных отношений.

Большевики ввергли свой народ в исторический эксперимент, оказавшийся для народа трагическим. В результате введения "военного коммунизма" в экономике страны были быстро

1 Вот краткая историография перехода страны на нерыночную модель экономики: национализация земли и создание СНК (26 октября 1917 г.); национализация всех промышленных предприятий с числом наемных работников свыше 5 человек (29 ноября 1917 г.); национализация банков (декабрь 1917 г.); создание ВСНХ (2 декабря 1917 г.); создание ВЧК (20 декабря 1917 г.); национализация внешней торговли (22 апреля 1918 г.); план ГОЭЛРО (20 декабря 1920 г.); создание Гохрана (февраль 1922 г.); создание Госплана (февраль 1922 г.).

2 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 7.

3 Там же. Т. 37. С. 422.

разрушены сложившиеся хозяйственные связи, возникла страшная дезорганизованность, полная неразбериха и бесхозяйственность, появился дефицит во всем — и в производстве, и в потреблении. Предприятия перестали отвечать за самоокупаемость и прибыль. Все свои расходы они покрывали за счет бюджета, что называлось сметным финансированием. Впоследствии большевики возведут этот механизм в "преимущество" социализма.

Экономический крах заставил большевиков судорожно печатать деньги, страну охватила небывалая инфляция. В результате крестьяне перестали продавать свою продукцию государству, в городах возник голод. В таких условиях была введена **продразверстка**, призванная в насильственном порядке отбирать у крестьян продовольствие (оплата производилась по твердым ценам; отбирались не так называемые излишки, а практически почти все, что можно было отобрать). Большевики на деле установили **диктатуру пролетариата** и подвергли жестоким репрессиям буржуазию, интеллигенцию и крестьян.

Все это не могло не вызвать сопротивление в обществе, несмотря на голод и разруху. Вспыхнуло крупное восстание военных моряков в Кронштадте (1921 г.), крестьянские восстания прокатились по Тамбовщине и Сибири (1920—1922 гг.). Все они были жестоко подавлены. В стране разразилась гражданская война, которая унесла миллионы человеческих жизней. Значительная часть российской интеллигенции (около 2 млн человек) эмигрировала в другие страны, поскольку не одобряла строительство социализма. Начались политические аресты, создавались первые концлагеря. Невиданный **геноцид** сопровождал большую часть всей советской истории.

С социальной точки зрения насильственное переустройство общества является преступлением против человечества. Искореженные судьбы, организация голода, смерть десятков миллионов людей во имя утопии — это и есть советский феномен, повторенный многократно в других странах после Второй мировой войны¹.

После разгрома Учредительного собрания в январе 1918 г. стало ясно, что в стране устанавливается однопартийная система, диктатура не какого-то класса, а правящей прослойки большевиков. Ю. Мартов так оценил происходящее: "Власть

1 См.: Черная книга коммунизма. М., 1999.

Советов превратилась в безответственную, бесконтрольную, несправедливую, тираническую и дорогостоящую власть комиссаров, комитетов, штабов и вооруженных банд"¹.

Большевики, как известно, не только уверенно провозглашали социалистические лозунги, но и взялись распространять свою революцию на весь мир. В ноябре 1920 г. Ленин говорил: "Мы... начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию"². Не без влияния большевиков (прямо и через Коминтерн) социалистические революции произошли в Венгрии, Германии и Словакии в 1919 г. В Венгрии советская республика просуществовала 4 месяца, в Германии (в Баварии) — две недели, в Словакии — около трех недель.

С 1917 по 1991 г., т. е. на протяжении 74 лет, большевики и коммунисты, руководившие СССР, неоднократно предпринимали прямую экспансию коммунизма. Это Прибалтика и Бессарабия, Западная Украина и Польша, и Финляндия непосредственно перед Великой Отечественной войной. Это и "мировая система социализма" после войны. Но первая попытка такой экспансии была сделана еще осенью 1920 г., когда Красная Армия под командованием М. Тухачевского осуществила бросок на Варшаву и намеревалась войти в только что получившую позорный мир Германию и совершить там социалистический переворот. Эта попытка не удалась.

Позднее был создан СССР. В новом названии страны уже не было ничего напоминающего образ России, зато содержались явная амбиция и претензии на мировую революцию, на присоединение к СССР других советских социалистических республик, в том числе и из стран Запада.

Таким образом, социализм пришел в нашу страну извне, из эмиграционных кругов. Он напитан всевозможными утопическими социалистическими идеями, рожденными в разное время на Западе (включая марксизм), а также изнутри — из отечественных котлов экстремизма и левачества, порожденных царским деспотизмом и общей социальной неустроенностью. Большевики — носители всех этих "ценностей" — создали методами мобилизации и чрезвычайщины жесткую централизованную авторитарную систему управления, нерыночную

1 Цит. по: Независимая газета. 1998. 13 марта.

2 Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 31. С. 369.

модель экономики, ввергли народ в гражданскую войну и принесли ему огромные страдания и потери.

Социалистическая революция в России — это не только смена форм собственности, создание новой экономической модели, новых социально-экономических отношений, но и геноцид, **гражданская война**, жестокая борьба против религии, совести и нормальных личностных проявлений.

При этом широко утверждалось, что строительство социализма идет в России на строго научной основе. Однако практика большевиков вызвала серьезный отпор со стороны не только многих ученых (Мизес, Бруцкус и др.), но и их политических оппонентов (Плеханов, Мартов и др.).

Как уже упоминалось, в 1922 г. вышла книга крупнейшего австрийского экономиста Людвиг фон Мизеса, в которой дана сокрушительная критика марксизма и первых практических шагов большевиков в годы "военного коммунизма". Он призвал "спасти мир от нового варварства", предупредил, что "даже беднейшие пострадают от социализма не меньше других", что идея коллективизма — это идея бунта массы, толпы, а "коллективизм — это противостояние, это оружие всех тех, кто стремится убить разум и мысль"¹.

Коллективизм в общественном масштабе, считал Мизес, обслуживает нужды политики, покрывает тиранию, осуществляет на практике принцип уравнительного распределения при всеохватывающем государственном управлении и ведет общество в исторический тупик.

Несомненно, и Ленин, и Троцкий, и Бухарин, и другие руководители-большевики хорошо знали подобную критику, но реагировали на нее как на вражеские измышления. Культ революции и насильственного переворота оказался сильнее науки, сильнее разума и мудрого предвидения. Ведь Англия только выиграла, не допустив революцию в XVII в., Франция же только проиграла со своими революциями, испытал, как и Россия, тяжелые последствия.

Сущность капитализма — рынок, сущность социализма — распоряжение высшими властями производством и распределением товаров и услуг. В последнем случае, писал Л. Мизес,

¹ Мизес Л. Социализм: экономический и социологический анализ. М. Catallaxy, 1994. С. 39, 43, 47.

нормальный экономический расчет невозможен, и общество просто "прогорит", не умея соизмерять затраты и результаты своей производственной деятельности, не зная истинной ценности результатов труда, да и мотивации к достижению высоких результатов.

«Попытка социалистического переустройства мира может разрушить цивилизацию, — писал Мизес. — Но никогда такая попытка не приведет к существованию процветающего социалистического общества... Социалистические методы производства ведут к падению производительности... Опыт показывает, что нигде нельзя встретить большей бесхозяйственности и расточительности в отношении труда и материалов всякого рода, чем на государственных предприятиях. В то же время именно частное предприятие побуждает своего владельца ради собственных интересов работать с величайшей экономией... Социалистическое общество представляет собой поразительное авторитарное сообщество, в котором приказывают и подчиняются. Именно это и обозначают слова "плановая экономика" и "устранение анархии производства". Устройство социалистического общества легче понять, если сравнить его с армией. Многие социалисты и в самом деле предпочитали говорить об "армии труда". Как в армии, так и при социализме каждый зависит от приказа высшего руководства... Можно сказать, что человек становится пешкой начальства... В социалистическом обществе невозможен экономический расчет, а значит, нельзя быть уверенным в величине издержек и прибыли или использовать калькуляции для контроля операций. Одного этого достаточно, чтобы считать социализм нереализуемым... (Но есть и второй аргумент: при социализме нет необходимой организационной формы для эффективной экономической деятельности, т. е. свободной фирмы, нет и предпринимательского слоя с его внутренней энергией и инициативой.)...

Капиталистическое устройство общества — единственная форма организации экономики, при которой возможно непосредственное применение принципа личной ответственности каждого гражданина. Капитализм и есть та форма общественного хозяйства, в которой устраняются все вышеописанные недостатки социалистической системы»¹.

1 Мизес Л. Указ. Соч. С. 93, 122, 124, 140, 145.

Интересны также взгляды и высказывания, принадлежащие нашему талантливому экономисту Бруцкусу, вынужденному покинуть страну в 1922 г. Выступая в 1920 г. на собрании петроградских ученых с докладом "Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе", он говорил, что экономическая проблема марксистского социализма неразрешима, что гибель нашего социализма неизбежна. В своих работах Бруцкус подчеркивал такие несуразности советской экономической модели, как невозможность реального соизмерения затрат и результатов и уравнильное распределение доходов, что лишает экономику внутренних стимулов к качественному совершенствованию и лишь стимулирует расширение ее масштабов.

В работе "Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта" Бруцкус писал: «Подобно рыночным ценам, и другие категории капиталистического хозяйства теряют при социализме свое значение: в социалистическом обществе нет ни заработной платы, ни прибыли, ни ренты, ибо в нем все работают и получают полный продукт своего труда без вычета нетрудовых элементов дохода. Социалистическое общество признает издержки производства лишь в одной форме — в форме затраты труда; количество же этой затраты измеряется временем. Труд и только труд обладает ценностеобразующей силой даже в капиталистическом обществе — так утверждает Маркс в 1-м томе "Капитала"; тем более это положение справедливо для социалистического строя. Распределение хозяйственных благ должно быть согласовано в социалистическом обществе с эгалитарным принципом, ибо если свобода есть руководящий лозунг буржуазии, то равенство есть руководящий лозунг промышленного пролетариата. Во имя этого лозунга им совершается великий переворот»¹.

По существу это убийственная характеристика социалистической экономической модели. Не менее убедительны и обоснованны мнения многочисленных политических оппонентов большевиков, но мы не будем их приводить, а продолжим анализ *генезиса* созданной в короткий период "военного коммунизма" советской экономической модели.

1 Вопросы экономики. 1990. № 8. С. 136.

11.3. Основные черты советской экономической модели

После вынужденного непродолжительного отступления в период нэпа большевики с конца 20-х годов вновь вернулись к социалистической экономической модели, сделав ее классической. Правда, для повторного уничтожения рынка в нашей стране начиная с 1929 г. — года **великого перелома** надо было не только провести сталинскую индустриализацию и коллективизацию, но и осуществить невиданный в мире геноцид, уничтожив заодно и первое поколение большевиков, так называемых **старых большевиков**. Им на смену пришли **новые большевики**¹. П. Струве, известный знаток становления тоталитарного режима в СССР, писал: «Этот строй восторжествовал в результате гражданской войны и утвердился при помощи небывалого террора... осуществившего "тотальное" истребление реальных потенциальных противников нового режима»².

К концу 20-х годов в государственной собственности находились крупная промышленность, весь транспорт, почти вся кредитная система, а в частной собственности — почти все сельское хозяйство, около 1/3 промышленности (группа "Б"), значительная часть розничной торговли и незначительная часть кредитной системы (общества взаимного кредита). Рынок был заполнен товарами, производство росло быстрыми темпами, жизненный уровень населения был уже заметно выше, чем в довоенном 1913 г. В политической жизни страны шли острые дискуссии, активно проявляли себя как левый, так и правый уклон. (Впоследствии на вопрос, какой уклон хуже, Сталин ответил ставшей знаменитой фразой: "Оба хуже".) Все это не создавало гарантии для абсолютной авторитарной власти Сталина и его приспешников. Поэтому волевым порядком был осуществлен перелом в направлении возврата к методам и модели "военного коммунизма", к перестройке экономики страны на путях индустриализации и коллективизации. Для первого необходимо было резко усилить хозяйственную вертикаль власти, особенно Госплан, централизованное планирова-

1 Как уже отмечалось, в годы нэпа, несмотря на допущение рыночных отношений в экономике, большевики сохраняли и укрепляли все столпы новой экономической модели, созданной в годы "военного коммунизма", — партию, хозаппарат и ОГПУ при господстве государственной собственности.

2 Цит. по: Независимая газета. 1998. 13 марта.

ние, для второго — силовые структуры, в частности НКВД, способные насильственно загнать крестьян в колхозы и совхозы. И то и другое было не просто шоковой терапией, а чудовищной встряской страны и общества с главной целью — поставить их в полное подчинение, под полный контроль одного хозяина-диктатора, создать в стране тоталитарный, диктаторский режим. Как и в годы "военного коммунизма", использовались *чрезвычайные военные и мобилизационные методы принуждения*. Реальным собственником средств производства стала новая советская номенклатура, особенно директора заводов и министерские чиновники. Они по существу поделили между собой всю советскую экономику.

Планы носили директивный характер и содержали явно завышенные задания, которые и не могли быть выполнены. Однако тут же была введена система постоянной фальсификации всей отчетности на базе так называемых сопоставимых цен 1926—1927 г., включая практику приписок в "социалистическом соревновании", которая позволяла постоянно "рапортовать" о достигнутых успехах. Критерием оценки стало не удовлетворение конкретного спроса, не оптимальное использование ресурсов, а выполнение и перевыполнение планов, точнее, мнение начальства на этот счет. Приоритет наращивания валовой продукции, ее количества, темпов роста вообще, т. е. экстенсивного типа производства, насаждался "сверху", всячески поощрялись и поддерживались стахановские, изотовские и иные движения "рекордсменов", которым создавались тепличные условия, чтобы потом объявить их примером или образцом для подражания.

Приоритет получила тяжелая промышленность. Более 90% промышленных капиталовложений направлялось в группу "А", доля ее стала быстро расти. При этом строились предприятия прежде всего крупных и даже гигантских размеров, многие из них были плохо управляемыми **нерыночными монстрами**, но их легче было держать под контролем из Центра¹. Как уже отмечалось, специ-

¹ См.: Экономика социалистической промышленности / Под ред. Е. Хмельницкой. М., 1931. Ч. 1. С. 493. На с. 492 этой книги, например, читаем: "Определяющим всю политику капитального строительства все больше становятся гигантские предприятия, по размерам и техническому уровню опережающие крупнейшие предприятия промышленности капиталистической Европы и Америки..."

ально был придуман (ссылаясь на работу Ленина "По поводу так называемого вопроса о рынках") **закон преимущественного роста производства средств производства**, согласно которому везде и всегда темпы роста производства машин и сырья должны обгонять темпы роста производства предметов потребления. Для Сталина конечным и приоритетным продуктом была сталь, а хлеб — промежуточным и не таким уж важным. Личное потребление населения, вся социальная сфера общества существовали и развивались исключительно по **остаточному принципу финансирования**. Все это, естественно, было объявлено еще одним величайшим преимуществом реального социализма.

Прибыль, рыночные отношения спроса и предложения рассматривались как пережитки капитализма. Цены на продукцию устанавливались административным путем, причем искусственно занижались цены на продукцию именно тяжелой промышленности для стимулирования спроса на нее. В результате возник дефицит товаров народного потребления, и уже в 1929 г. на ряд продуктов были введены **карточки**. Люди стали покупать не то, что им нужно, а то, что есть в продаже. Широкомасштабная индустриализация вызвала невиданный приток малоквалифицированной рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, качество выпускаемой продукции ни в какое сравнение не шло с конкурентоспособной продукцией в странах с рыночной экономикой¹.

На селе развернулась гигантская по размаху насильственная коллективизация 25 млн крестьянских хозяйств. Но поскольку крестьяне оказали сопротивление, стали резать скот, против них были использованы помимо общего административного давления два рычага прямого геноцида: раскулачивание и искусственная организация голода в 1932 г. Создание социалистических

¹ Тем не менее, выступая в 1933 г. по итогам первой пятилетки, Сталин говорил: "Итоги показали, что капиталистическая система хозяйства несостоятельна и непрочна, что она уже отживает свой век и должна уступить свое место другой, высшей, советской, социалистической системе хозяйства, что единственная система хозяйства, которая не боится кризисов и способна преодолеть трудности, неразрешимые для капитализма, это советская система хозяйства" (*Сталин И.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1945. С. 397). Любопытно, что примерно такой же оценки в начале 30-х годов придерживался и Л. Троцкий, который писал об агонизирующем и загнивающим капитализме и об успехах экономики СССР (см.: Троцкий Л. Немецкая революция и сталинская бюрократия. Берлин, 1932. С. 6—7, 107).

государственных латифундий в сельском хозяйстве сразу же гарантировало снабжение хлебом государства (в самих колхозах оплата труда до 1966 г. производилась в натуре, т. е. в трудоднях). Заработали планы заготовок сельхозпродуктов (ностальгическое воспоминание о продразверстке) и появились радостные рапорта об их выполнении и перевыполнении.

Индустриализация и коллективизация привели к запланированному расширению государственной собственности, социализации экономики, дали в руки руководства страны невиданные доселе ресурсы и возможности делать так, как оно считает нужным. Эта гигантская концентрация власти в одних руках дополнялась еще одним важным элементом — расширением функций органов безопасности, НКВД, созданием всесоюзной "устрашилки" — ГУЛАГа, куда отправляли всех недовольных или потенциально несогласных.

По официальным данным, взятым современными исследователями из архивов, перед Великой Отечественной войной в 53 лагерях (включая лагеря железнодорожного строительства) и в 425 исправительно-трудовых колониях находилось около 2 млн заключенных. Около 500 тыс. человек находилось в тюрьмах, около 1 млн — в спецпоселениях, 1 млн 264 тыс. человек отбывали наказание без лишения свободы на принудительных работах. Итого общее количество репрессированных составило 4—5 млн человек¹. В 1950 г., по имеющимся данным, в СССР 12 млн человек находились в лагерях, тюрьмах и в ссылке.

Упор на тяжелую промышленность в процессе индустриализации страны был неразрывно связан с **милитаризацией экономики**, с подготовкой к будущей войне с перспективой ее перерастания в мировую революцию — главную цель большевизма. Строились тракторные заводы, готовые выпускать не только трактора, но и танки, получило серьезное развитие самолетостроение, производство обычного стрелкового оружия. Начало Второй мировой войны Советский Союз встретил *в рядах гитлеровской коалиции*, став союзником фашистской Германии. Пакт Молотова—Риббентропа от 23 августа 1939 г. создавал надежный тыл Германии для нападения на Польшу, а затем для войны с Францией и Великобританией. Сталин хотел перехитрить Гитлера и направить Германию на войну

1 См.: Экономическая история: Ежегодник. М., 2002. С. 286.

с Францией и Великобританией, ослабив тем самым систему капитализма. На этом пути ему виделись радужные перспективы для мировой революции. Но он жестоко просчитался: гитлеровская Германия в конце концов напала и на Советский Союз.

Перед войной производство в стране росло, жизненный уровень населения после снижения в начале 30-х годов также стал повышаться, плановая система обеспечивала довольно сносную реальную заработную плату, сносный (без излишков и экстравагантностей) товарный набор для семьи, что вместе с отсутствием безработицы, бесплатным образованием, медицинским обслуживанием и другими сферами общественного потребления создавало у большинства людей впечатление достатка и чувство удовлетворения.

Похоже, что правители были вполне удовлетворены тем, что многие советские люди на их глазах превращались в послушных, счастливых, обманутых иллюзиями рабов или даже идиотов. Они были подвергнуты всеобщему идеологическому и властному гипнозу харизматического лидера, отвечали ему верностью и послушанием, боялись отступить от правил и поплатиться за это суровым наказанием, принимали повседневный контроль над собой и поддерживали новую ("самую передовую в мире") власть, прозябая в уравнительной нищете и полагая, что это вполне достойный уровень жизни. Иными словами, Сталин нашел себе реальную социальную опору (базу) в обществе. Лишь через несколько лет миллионы советских солдат и офицеров — победителей в войне воочию убедятся, побывав в Германии и в странах Восточной Европы, что советские стандарты жизни на порядок ниже капиталистических.

Индустриализация и коллективизация сопровождалась расширением и укреплением управленческого аппарата, созданием большевистской элиты послеленинского поколения — **советской номенклатуры**. Ее ядром стали руководящие работники партаппарата, в нее входили и руководящие работники хозяйственных, военных и общественных организаций, к которым присоединились органы НКВД. Общая численность советской номенклатуры, ставшей на деле эксплуататорским классом, не превышала 2 млн человек. Эта социальная группа имела, как уже отмечалось, неслыханные привилегии за государственный счет, особенно в части использования общественных фондов потребле-

ния — квартиры, дачи, автомобили с шоферами, санатории, больницы, поликлиники, конверты с деньгами помимо зарплаты, продуктовые пайки в спецраспределителях ("кормушки") и т. д. Она имела доступ к специальной информации, поездкам за границу за государственный счет и т. д.

Памятуя сталинский лозунг "Кадры решают все!", партия особенно заботилась о социальном клонировании, воспроизводстве советской номенклатуры. Для этого были созданы специальные школы и даже академии. Начальники часто были весьма похожи друг на друга даже внешне: в одежде, в манере разговора и общения с людьми, в умении "быть на высоте" и т. д.

Таким образом, в социальном отношении строй, созданный Сталиным, опирался на олигархическую номенклатурную верхушку общества, которая была хорошо обеспечена материально и не стояла в очередях. Среднюю прослойку составляли 20—25 млн человек, и свыше 150 млн человек — это обычный люд, который нещадно эксплуатировался. Разрыв между реальными доходами представителей первой и третьей групп достигал десятков раз.

Очень емко охарактеризовал советское чиновничество Л. Троцкий. В 1932 г. он писал, что советский "чиновник меньше всего похож на бесплотного духа. Он ест, пьет, размножается и заводит себе изрядный живот. Он командует зычным голосом, подбирает снизу верных людей, соблюдает верность начальству, запрещает себя критиковать и в этом видит самую суть генеральной линии. Таких чиновников несколько миллионов — несколько миллионов! — больше, чем промышленных рабочих в период Октябрьской революции. Большинство этих чиновников никогда не участвовало в классовой борьбе, связанной с жертвами и опасностями. Эти люди в преобладающей массе своей политически родились уже в качестве правящего слоя. За их спиной стоит государственная власть. Она обеспечивает их существование, значительно поднимая их над окружающей массой. Они не знают опасностей безработицы, если умеют держать руки по швам. Самые грубые ошибки им прощаются, если они согласны выполнить в нужную минуту роль козла отпущения, сняв ответственность с ближайшего начальства"¹.

1 Троцкий Л. Указ. соч. С. 99-100

Покончив с оппозицией и упрятав в ГУЛАГ всех потенциально непокорных, Сталин стал *абсолютным диктатором* и властителем огромной страны, всего, что в ней находилось. При этом коммунистическую партию, или партию большевиков, он рассматривал как орден меченосцев, орудие укрепления своей власти и реализации коммунистических идеалов. В беседе с представителем КПГ В. Герцогом еще в феврале 1925 г. он говорил, что партия должна рассматривать себя "как высшую форму классового объединения пролетариата, призванную руководить всеми остальными формами пролетарских организаций... <При этом необходимо> (*Уточн. авт.*), чтобы каждый шаг партии и каждое ее выступление естественно вели к революционизированию масс, к подготовке и воспитанию широких масс рабочего класса в духе революции... чтобы партия умела сочетать в своей работе непримиримую революционность с коренными интересами пролетарской революции... чтобы партия систематически улучшала социальный состав своих организаций и очищала себя от разлагающих оппортунистических элементов... чтобы партия выработала железную пролетарскую дисциплину, выросшую на основе идейной спаянности, ясности целей движения, единства практических действий..."¹

В хозяйственной жизни страны всевозрастающую роль играло директивное централизованное планирование, которое с каждым годом охватывало все нарастающее число продуктов, услуг и сфер экономической и иной деятельности. План завязывал в один кулак все производство, всех работников, всех потребителей, определял перспективы развития страны. Не сам человек или его семья стали определять, что им производить, потреблять, покупать, а план, спущенный "сверху". Такое *идеалистическое представление* о государстве и партии, которые якобы заранее и намного лучше любого жителя страны знают, что ему нужно, сочеталось с другим, не менее утопическим представлением о самом человеке, который якобы должен прежде всего преследовать не свои личные интересы, а служить интересам государства и общества, быть чуждым частной собственности и ожидать всеобщего счастья и благополучия в отдаленном коммунистическом будущем. На фоне социальных трудностей в стране и строгостей на производстве

1 Цит. по: Завтра. 1997. № 50.

утопический коммунистический рай представлялся в предельно розовом свете.

Все сказанное дополнялось сплошной **идеологизацией** науки, образования, производственной и всякой иной деятельности. В соответствии с наукой всех наук — марксизмом-ленинизмом — в основе "реального социализма" лежит только одна форма собственности, а именно общественная, или государственная. Что, кому и как производить, решает "научно обоснованный план", составленный самыми грамотными в мире экономистами и плановиками. По какой цене продавать — решают государственные органы ценообразования. Коммерческие банки не нужны, так как все госпредприятия финансируются из госбюджета. В экономике страны преимущественное развитие по плану получает не продукция, нужная людям, а средства производства, особенно тяжелая промышленность.

Достигается якобы гармония в структуре производства, его технического аппарата и занятости, а целью провозглашалось удовлетворение всех потребностей населения. "Преимущества" плановой системы упрямо вдабливались в сознание людей, которым не позволялось подвергать их сомнению.

Многие науки были объявлены "партийными", призванными защищать интересы рабочего класса (читай: номенклатуры) и мировой революции. Создавалась система псевдонаук, обслуживающих правителей страны. Сталин поощрял многие псевдонауки и многих псевдоученых. Самые яркие примеры — Лысенко в биологии, Минц и Федосеев в философии и т. д. Увы, некоторые советские ученые участвовали в погромах и репрессиях своих коллег, что перешло по наследству и в наши дни, когда практикуются обструкции несогласных с устаревшими взглядами.

Образовавшийся дефицит большинства товаров, скрытая инфляция и поразительная неэффективность производства в советские времена ни в коем случае не могли подвергаться обсуждению и тем более критике. Партийная идеология стала большевистской религией, которой обязаны были служить все граждане страны. А чтобы не допустить никаких отклонений, была сформирована жесточайшая цензура и организовывались гонения на "уклонистов" и "отщепенцев", которые быстро исчезали не только с работы, но и из жизни.

Теперь можно подойти к определению сути созданной в СССР экономической модели. Это модель нерыночной, командно-административной экономики, экономики тоталитарного государства со сверхцентрализованным управлением сверху вниз, заменившим собой традиционные горизонтальные рыночные связи. Советскую экономическую модель характеризуют:

- однопартийная система с контролированием партийными органами всех сторон экономической и социальной жизни страны;
- государственная собственность на средства производства;
- централизованное управление и планирование экономики;
- наличие правящей номенклатуры — управленцев особого советского типа, преданных идее и вышестоящему начальству, готовых на любую "туфту" во имя достижения заданных показателей и удачного рапортования;
- строгая приверженность государственной идеологии и широкая пропаганда "преимуществ и успехов" "реального социализма";
- изоляция от всего мира, внешняя торговля на базе государственной монополии.

Власть — это главное дело и главная забота системы "реального социализма", которую создал Сталин¹. Она проводилась в жизнь с помощью четкой и ясной, как в армии, иерархии управленческого аппарата. Так, лозунг об освобождении трудящихся от эксплуатации капиталом на деле обернулся неизмеримо более жесткой эксплуатацией их государством и партией. Ведь именно в условиях "реального социализма" человек зависел от государства и партии буквально во всем: в работе, образовании, мышлении, в собственном образе жизни и частной жизни. Государство — единственный работодатель и инвестор, от него никуда не уйти. Даже обычные человеческие ценности — порядочность и честность — стали рассматриваться через призму классового подхода и большевистских идеалов: порядочно то, что выгодно делу социализма,

¹ За два месяца до прихода к власти Ленин закончил свою известную работу "Государство и революция", где доказывал необходимость слома госаппарата, но, придя к власти, сделал все, чтобы этот аппарат укрепить. Пустыми оказались и такие большевистские лозунги, как "Земля — крестьянам!", "Фабрики — рабочим!", "Вся власть — Советам!".

делу партии и революции во всем мире. Под прикрытием этих "ценностей" можно было красть, убивать, издеваться над людьми, изгонять их из собственных квартир или домов и т. д.

Все три иерархии вертикального централизованного управления (партийная, хозяйственная и НКВД) были тесно взаимосвязаны. При этом НКВД по заданию партии на деле стал цепным псом руководителей и номенклатуры, следил за тем, что думает и говорит народ, преследовал многих людей не только за их убеждения, но и просто за неосторожно оброненное слово. Как уже говорилось, шел процесс кагэбизации всей страны. Это *низшая форма* социальной организации общества, для которой самое страшное — это нормальная человеческая жизнь в условиях гласности, реального осуществления прав человека. По существу, это *враждебная человеку* общественная форма, одна из самых несправедливых в истории человечества.

Следствием реализации социалистической экономической модели стали снижение трудовой мотивации, хищническое отношение к "ничьей" собственности, развитие теневой экономики, отсутствие органического научно-технического прогресса, растущая зависимость от западных технических новшеств, излишки ресурсов труда, капитала и материалов, рост дефицита и т. д.

Однако самое страшное — пагубное влияние системы на людей: она их делала несамостоятельными, отучала думать и анализировать, приучала к послушанию и ожиданию команды, к безответственности и безынициативности. В таких условиях и начальники сплошь и рядом теряли профессионализм, занимались "общим руководством" и всяческим угождением вышестоящим инстанциям, умело приспособлялись к выживанию. Номенклатурные привилегии "верхов" стимулировали массовый карьеризм, приспособленчество, стремление как можно выше подняться по социальной лестнице, не считаясь со средствами¹. В свою очередь, и номенклатура со временем

¹ Я.А. Певзнер в книге "Вторая жизнь" дает образчик наставления старшего партийного работника младшему: "...Не засыпайся... Бери всех за горло... Требуй в соответствии с установленными канонами... И главное — научись лгать... прятать в воду концы... втирать очки... мгновенно понимать начальство и слушать его, и матюгать подчиненных, и панибратствовать с равными по чину..." (Певзнер Я. Вторая жизнь. М., 1995. С. 362—363).

все больше отходила от своих утопических целеполаганий ("догнать Америку", построить коммунизм к 1980 г. и т. д.) и сосредоточивалась исключительно на собственных интересах. Сталин и созданная им экономическая модель устраивали новую советскую номенклатуру-

Апогеем в демонстрации "преимуществ" сталинской модели экономики стал **период брежневского правления**, или застоя (1964—1982 гг.), когда заложенные в этой модели принципы и административные механизмы стали давать те реальные результаты, которые рано или поздно они и должны были дать. Это отторжение всех попыток реальных рыночных реформ и перехода к интенсификации производства. Это превращение власти как в Центре, так и на местах в узкие группы "единомышленников", защищающих нетленные "социалистические ценности". Это непрерывное снижение эффективности производства, темпов его роста, нарастание социального недовольства и зависимости от помощи Запада.

А. Черняев, бывший помощник Л. Брежнева, вспоминает 80-е годы: «Экономика страны производила совершенно безнадежное впечатление. С продовольствием становилось все хуже и хуже. Особенно ощутимо это было после "олимпийского изобилия". Очереди удлинлись. Но не было ни сыра, ни муки, ни капусты, ни моркови, ни свеклы, ни картошки. И это в сентябре! Колбасу, как только она появлялась на прилавках, растаскивали иногородние... Что наш "реальный социализм" погряз в тяжелейшем морально-экономическом кризисе, свидетельствовало такое, казалось, немыслимое с 20-х годов явление, как забастовки»¹.

Скука, унылость и серость были характерными чертами внутрисполитической ситуации в обществе. Делать вид, что работаешь, а также делать вид, что платишь за труд, было обычной практикой на производстве. Разбазаривание ресурсов и нарастающая неэффективность стали нормой повседневной жизни.

Почти треть урожая уже постоянно и ежегодно уходила в потери, четвертая часть занятой рабочей силы представляла собой скрытую безработицу, так как практически не работала, хотя и

1 Черняев А. Моя жизнь и мое время. М., 1995. С. 417.

получала зарплату, размеры "теневой экономики" достигали 25% ВВП. Приписки выпуска продукции получили широкое распространение и в ряде случаев (например, в Узбекистане) достигали непомерных масштабов. До 25% всего объема производства составляли товары, вообще не пользующиеся спросом¹.

Примерно половина рабочих в промышленности была занята ручным трудом. Объем незавершенного строительства достигал величины годовых капиталовложений. Размах коррупции и иных злоупотреблений (например, валютных) достигал огромных размеров. Целые заводы и даже отрасли были планово-убыточными и сидели на дотациях. Общественные фонды потребления могли существовать только за счет недоплаты труда. Государственные финансы находились в катастрофическом положении.

Но ситуация все ухудшалась. В 1982 г. производительность труда в народном хозяйстве уже была на треть ниже, чем в 1966—1976 гг., с конца 70-х годов реально началось снижение объемов ВВП, которое продолжалось практически 20 лет без перерыва; эффективность производства (факторная производительность) в 1981—1985 гг. уже составляла 50% уровня 1975—1980 гг. и также продолжала снижаться.

Казалось, страна совсем утратила силы и способности к развитию. Но советская экономическая наука и особенно партийная пропаганда по-прежнему взалхлеб выявляли "успехи"

¹ Вот что пишет по этому поводу бывший министр экономики РФ Я. Уринсон: "Предприятия не умели работать на платежеспособный спрос. Долгие десятилетия они производили товары только по плану, причем часть этих товаров по плану же и реализовывалась, а другая или шла на склад, или просто уничтожалась. Я долгое время работал в ГВЦ Госплана СССР и до сих пор помню, как в конце каждого года создавались комиссии, которые делали сводку товаров, подлежащих уничтожению. Цифры достигали фантастических размеров — например, по обуви, по мужским пальто с меховыми воротниками и т. д. Нереализованные запасы свозились в одно место, создавались специальные комиссии из представителей Госплана, ЦСУ, министерств, местных партийных органов, и сжигалось, разбивалось, уничтожалось огромное количество разных продуктов. Также всем хорошо известны и имевшие тогда место потери — в первую очередь сельхозпродукции. По дороге от поля до стола потребителя терялось около трети урожая. Таким образом, значительная часть товарной массы, как оказывалось, входила в совокупный общественный продукт, учитывалась в его объемах, но по сути товарной массой не являлась, не имела реальной рыночной цены" (Российская экономика на новых путях. 1997. № 2. С. 11).

и "преимущества" социализма как общественной системы и как экономической модели¹.

Советская пропаганда уже в 30-е годы породила на Западе, несмотря на его принципиальное непризнание социализма, поток идей, позже оформившихся в концепцию "рыночного социализма"-. Одним из основателей этой концепции стал известный польский экономист О. Ланге, выпустивший в середине 30-х годов ряд работ по данному вопросу. Против него уже тогда резко выступили Л. Мизес и Ф. Хайек.

О. Ланге считал, что при социализме государство может устанавливать равновесные цены, использовать рыночные механизмы, в частности самоокупаемость. В СССР в то время об этом не было и речи. Но после войны экономисты Польши, Венгрии и Югославии стали активно развивать идеи Ланге, которые нашли отражение в хозяйственном управлении этих стран и перекочевали в СССР. Тем не менее "рыночный социализм" оказался *ложной целью* и нигде не закрепился.

Жизнь убедительно показала, что "рыночный социализм" — это нестабильность, постоянная внутренняя противоречивость. Даже самые ярые сторонники "рыночного социализма" в сегодняшних Польше и Венгрии перешли на сторону концепции реального рынка в условиях капиталистической смешанной экономики. В нашей стране эти идеи расцвели в годы горбачевской перестройки, да и сейчас их сторонников пока еще довольно много.

Тем не менее все, что произошло с нами в советские времена — и октябрьский переворот 1917 г., и "военный коммунизм", и советский тоталитаризм; начиная с 30-х годов — предвидели и предсказывали многие¹ ученые и политические деятели, в частности Плеханов. Еще в июле 1917 г. он писал: "Требуемая Лениным диктатура пролетариата и крестьянства была бы большим несчастьем для нашей страны, так как при нынешних условиях она породила бы анархию... Перспектива гражданской войны должна приводить в содрогание каждого сознательного революционера наших дней... Когда сторонники

¹ Несколько лет спустя академик С. Шаталин честно скажет, что "многие наши представления о социалистической экономике, ее неотъемлемых чертах были попросту ложными. Их следует пересмотреть" (*Шаталин С. Переход к рынку: борьба мнений*. М., 1993. С. 44).

Ленина начинают гражданскую войну, демократическое большинство обязано защищать свою позицию и свое правительство... Проклятие тем, которые начинают гражданскую войну в эту тяжелую для России годину"¹.

В мае 1917 г. Плеханов писал: «Не во всякое данное время можно перестроить общество на социалистической основе. Социалистический строй предполагает по крайней мере два непереносимых условия: 1) высокую степень развития производительных сил (так называемой техники); 2) весьма высокий уровень сознательности в трудящемся населении страны. Там, где отсутствуют эти два необходимых условия, не может быть и речи об организации социалистического способа производства. Если бы рабочие попытались организовать его при отсутствии указанных условий, то из их попытки не вышло бы ничего хорошего. Им удалось бы *организовать* только *голод*... Неизбежным следствием "организации голода" явился бы жестокий экономический кризис, после которого рабочие оказались бы в положении гораздо более невыгодном, чем то, в котором находились они до своей попытки»².

В октябре 1917 г. Плеханов вновь вернется к этой теме: "...Готов ли наш рабочий класс к тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру? Всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой пролетариата, не колеблясь ответит на этот вопрос решительным отрицанием. Нет, наш рабочий класс еще далеко не может с пользой для себя и для страны взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть, значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем для всей России"³.

Теперь, по прошествии многих десятилетий, когда социализм отодвинут в угол современной истории, когда он уже практически исчез из Европы, потерпел сокрушительное поражение в России, хотя и оставил в ней свой след, но еще живет в Китае, Северной Корее и на Кубе, следует дать принципиальную оценку предвидению Плеханова.

1 Цит. по: Единство. 1917. 5 июля.

2 Там же. 20—21 мая.

3 Там же. 1918. 28 окт.

Плеханов отмечал у большевиков отход от марксизма, утопизм, ностальгическое стремление к захвату власти, наплевательское отношение к судьбам страны и ее народу, анархизм, сектантство, демагогичность и многое другое. Он предупреждал о грядущей катастрофе. И он, а не Ленин и большевики оказался прав. Он смотрел намного дальше и был мудрее. Его прогноз подтвердила сама жизнь.

11.4. Управленческий аспект

Итак, та модель хозяйствования, которая была создана в бывшем Советском Союзе, коренным образом отличалась от традиционной рыночной. В отличие от рыночной модели, где государство регулирует деятельность хозяйствующих субъектов лишь косвенным путем, с помощью денежно-кредитной, финансовой политики, социалистическая, точнее, сталинская модель хозяйствования построена на прямом администрировании, жесткой централизации управления, что лишает хозяйствующие субъекты права и возможности решать, что и когда производить, кому и по какой цене продавать.

При капитализме это важнейшее, основанное на частной собственности право, определяющее свободу выбора предпринимателя, дает ему явное преимущество перед социализмом, так как решение принимается производителями на основе объективных критериев, а не указаний "сверху", исходя из рыночных сигналов, т. е. учета интересов потребителей, которые, будучи главным и определяющим участником рыночных отношений, формируют общественно необходимую полезность и реальную цену произведенных товаров и услуг. Происходит реальное удовлетворение потребностей в сфере производства. При этом предприниматель, решив производить тот или иной товар, добровольно соглашается соблюдать все законы, принятые государством, косвенно или даже прямо регулирующие условия его деятельности, т. е. практически в чем-то лишаящие его полной свободы (налоги, стандарты, техника безопасности, экологические нормы и т. д.), но не запрещающие ему осуществлять избранный им вид предпринимательской деятельности, конечным результатом которой является прибыль.

При социализме *жесткая регламентация* деятельности предприятий, основанная на централизованном планировании

и управлении, ведет к выпуску товаров и услуг, общественно необходимая полезность которых порой лишь в малой степени может быть признана обществом. Следует учитывать также, что в связи с присущей социалистической модели хозяйствования высокой степенью монополизации, отсутствием внутренней и внешней конкуренции вообще теряются объективные ценностные ориентиры для производства продукции. Именно с этим связан огромный спад производства в России после отмены централизованного планирования. Реальному спросу многие *избыточные производства* недавнего социалистического прошлого просто не соответствовали.

Одним из следствий социалистической модели хозяйствования стало отсутствие мотивации исполнителей управленческих решений в сфере производства — рабочих и работников администрации. Это неизбежно вело к низкой производительности труда, низкому качеству выпускаемой продукции. Запланированный уровень производства поддерживался политикой "кнута и пряника" в основном за счет политического и идеологического давления (угроза наказания, лишения каких-либо благ, партийные взыскания и т. д.). Именно этим силовым давлением и объясняется в значительной мере тот факт, что социалистическая модель хозяйствования не развалилась раньше, а просуществовала более 60 лет.

Модель хозяйствования, созданная в СССР, имела и адекватную ей систему управления, которая, в свою очередь, базировалась на своего рода управленческой утопии: возможности управлять всем и вся из одного центра. Утопия эта сформировалась, судя по всему, сначала на основе феодальных взглядов и установок на абсолютную власть. Позднее она стала следствием **технологического детерминизма**, проводящего полную аналогию между человеческим обществом и технической системой. Свой вклад внесла и **экономическая кибернетика**, использовавшаяся для обоснования усиления централизованного начала в управлении на основе преимуществ ЭВМ, подогрева ложной идеи о практической возможности замены рынка искусственной системой так называемого оптимального функционирования экономики (СОФЭ).

Несмотря на регулярно декларируемую вторичность средств, т. е. методов управления, по отношению к целям (повышение

благополучия народа), на деле соотношение между ними было как раз обратным. Способ управления стал фактически самоцелью. Достижение запланированных целей объявлялось возможным не любыми средствами, а на основе вполне конкретной модели централизованного государственного управления. Организационная основа этой системы была скопирована с административных структур старой военно-феодальной России и распространена на все без исключения сферы человеческой деятельности. Для систем такого типа характерно использование линейно-функциональных структур с резким преобладанием вертикальных отношений (руководство—подчинение) над горизонтальными (сотрудничество). Распределение прав и ответственности на всех уровнях сводилось к концентрации полномочий у вышестоящих звеньев системы, что приводило к несоответствию прав и ответственности прежде всего в основном звене хозяйственной системы, т. е. на производственных предприятиях. Подобный разрыв сковывал, лишал реальных производителей свободы маневра, столь необходимой для эффективной работы.

Важной особенностью такой системы управления является неразвитость свободных аналитических функций и низовых подразделений, их слабая роль в принятии решений. Перегрузка высшего эшелона управления текущими задачами руководства всеми отраслями экономики и сферами жизни отодвигает общие и перспективные задачи на второй план. Отсюда отсутствие реальной стратегии социально-экономического развития, непродуманность многих народно-хозяйственных решений, принятых без учета экологических, социальных, экономических и даже географических факторов.

Система сверхцентрализованного управления уже сама по себе предполагает *негибкость* и *низкую адаптивность* к новым задачам, и прежде всего к НТП.

Жесткая иерархическая структура с формализованным разделением функций в сочетании с распределением уравнилельного типа создает организационные и экономические барьеры выдвижению новых идей и их практической реализации. В частности, регламентация процесса создания и внедрения новых технологий и отсутствие рыночных механизмов ставят новатора в зависимость от уже существующих структур, в большинстве своем в этих технологиях не заинтересованных. Особенно

пагубна зависимость НТП от командной системы материально-технического снабжения.

Негибкость системы управления при социализме проявляется и в ее неспособности к применению программно-целевых методов, требующих гибкого и оперативного взаимодействия всех звеньев управления. Явные неудачи в решении таких чрезвычайных задач, как устранение последствий Чернобыльской катастрофы или землетрясения в Армении, показывают крайне низкую эффективность системы при любых попытках оперативно координировать свои действия, даже при руководстве на самом высоком уровне. В тех случаях, когда программы выполнялись, это происходило на основе создания долговременных линейно-программных структур, идентичных линейно-функциональным (ГлавБАМстрой, Комиссия по Западно-Сибирскому комплексу), действовавших на правах министерств, главков и т. д.

Неэффективность гиперцентрализованной системы управления проявляется не только в том, как решаются новые задачи, но и в низкой способности к реализации задач обычных, традиционных.

Преобладание властных, административных отношений над экономическими при недостатке прав у исполнителей приводит к низкой исполнительской дисциплине. Отсутствие встроенных экономических стимулов в известной мере компенсировалось механизмами контроля и управления. При этом истинным нововведением стало многократное *дублирование* структур власти и контроля, особенно в экономике. Наряду с ведомственным руководством и контролем каждое предприятие управлялось партийными и региональными властями, контролировалось партийным и народным контролем, подразделениями КГБ, МВД, ЦСУ, Минфина, Госбанка, всевозможными инспекциями и т. д. Число различных субъектов руководства и контроля над каждым предприятием могло составить более десятка. Вместе с тем такое обилие контроля побуждало предприятия к уменьшению собственной меры ответственности, к делегированию ее вышестоящим органам власти, что способствовало лишь возрастанию степени неуправляемости.

Ход развития концепций и практики хозяйствования в странах с рыночной экономикой за последние десятилетия свидетельствует о том, что идея централизованного управления

непродуктивна не только на макроэкономическом, но и на фирменном уровне. Реорганизации, проводимые в рамках американских, западноевропейских и японских корпораций, неизменно преследуют цели повышения самостоятельности и ответственности филиалов, отделений и предприятий, разгрузки общефирменного уровня, принятия решений, вытекающих из оперативных задач, перехода от отношений иерархического типа к партнерским.

Аналогичные тенденции прослеживаются и на уровне предприятий, цехов и даже участков. Опыт самостоятельных сборочных бригад, зародившийся на шведской фирме "Вольво" и получивший распространение во многих странах, движение "кружков качества", появившееся в Японии, ряд других, не менее важных новаций сводятся главным образом к отказу от жесткого распределения функций и заданий. Условия работы бригад, групп, цехов, предприятий, лабораторий и других подразделений фирм намеренно приближаются к условиям работы индивидуальных предпринимателей, мелких и средних фирм. Дается максимум самостоятельности в выборе средств и методов достижения поставленных целей, в то время как круг задаваемых показателей сужается до минимума.

Подобные тенденции неразрывно связаны с НТП, ведут к диверсификации рынка, увеличению ассортимента выпускаемой продукции, появлению большого числа специализированных компаний и расширению специализации существующих. Экономика становится все более сложным объектом для управления как на макро-, так и на микроуровне. В связи с этим появилась тенденция к ограничению круга регулируемых "сверху" параметров разумным минимумом в случае отношений как государства с бизнесом в целом, так и фирм с собственными отделениями и предприятиями. В обоих случаях отношения "верх—низ" постепенно приобретают характер партнерства, обмена услугами.

Все это говорит о том, что отставание от стран с рыночной экономикой и крах социализма были заранее запрограммированы *выбором бесперспективной модели хозяйствования, системы управления*. В результате этого выбора социализм был противопоставлен всем инновациям в области управления, современным тенденциям ускорения и обогащения НТП. Поиск путей повышения эффективности оказался возможен лишь на основе

отхода от тупиковой модели, на путях развития демократии и рыночной экономики, разработки новой модели хозяйствования и управления с учетом реальных тенденций развития мировой экономики, современного НТП.

* * *

Проанализировав содержание и генезис формирования советской экономической модели, тех тенденций и факторов, которые к ней привели, зададимся вопросом: почему мы от нее отказались? Ведь эта модель в значительной мере еще практикуется в Китае и в еще большей степени в КНДР и на Кубе. По ней ностальгирует значительная часть наших сограждан, активно голосующих за Компартию Российской Федерации.

Советская экономическая модель умерла в нашей стране естественной смертью, выработав весь свой ресурс и проявив полную неэффективность. Она могла приносить эффект в условиях короткого периода мирного времени для решения конкретных, часто больших задач с использованием чрезвычайных и мобилизационных методов. Она могла приносить эффект в условиях военного времени, когда требовалось собрать в один кулак все необходимые ресурсы и силы. Но в нормальных условиях она просто не выдерживала никакого сравнения с рыночной моделью¹.

Во-первых, советская экономическая модель истощала ресурсную базу страны, требовала перерасхода (по сравнению с рыночной) ресурсов всех видов: труда, капитала, инвестиций, земли. Какой ресурс ни возьмешь — везде мы расходует его больше на единицу конечного выпуска (ВВП), чем в странах с рыночной экономикой. Иными словами, советская экономическая модель адекватна экстенсивному типу производства, она хороша для искусственного стимулирования (на первых этапах) расширяющихся количественных объемов производимой продукции. Но она не годится для интенсивного типа производства, базирующегося на экономии используемых ресурсов, и, следовательно, на прибыли. Однако именно от прибыли зависят перспективы производства.

¹ Подробнее об этом см.: Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 2003.

Во-вторых, советская экономическая модель не приемлет ускоренного и широкомасштабного научно-технического прогресса, ибо не содержит внутренней мотивации к качественному совершенствованию.

В-третьих, эта модель порождает массовый дефицит, она ориентирована не на спрос, а на плановый показатель, который меняется лишь один раз в год, а то и в пять лет.

В-четвертых, для своего функционирования советская экономическая модель нуждается в тоталитарном или в лучшем случае авторитарном политическом устройстве. Социально-экономический, или общественный, строй в данном случае не может быть демократическим. Уже одно это исключало сохранение советской экономической модели в условиях гласности и других демократических процессов, которые начались в период горбачевской перестройки.

В-пятых, эта модель привела к постепенному затуханию темпов экономического роста СССР, к спаду производства, серьезному отставанию страны от стран Запада. Прогрессирующее отставание СССР обнаружилось не в 80-х или 90-х годах, а еще в конце 50-х — начале 60-х годов XX в. В период брежневского застоя это отставание стало особенно нарастать. Его пытались замедлить с помощью огромного экспорта нефти и газа, но всерьез не занимались совершенствованием экономической модели, как это начал делать Китай с 1978 г., Венгрия — с 1968 г., Польша — с 1971 г. В результате было потеряно много времени, и шанс, когда можно было бы постепенно и безболезненно перейти на рыночную модель, был упущен.

На кого работала модель советской экономики? Конечно, не на народ, не на рабочий класс. Она работала прежде всего на советскую номенклатуру, на партию, на укрепление их власти, положительного имиджа, на мощь страны. И здесь она достигла своих целей, пока внутренняя болезнь и начавшаяся эрозия всей системы "реального социализма" не ослабили ее.

Сегодня рыночная трансформация в России идет и медленнее, и противоречивее, и неизмеримо дороже, и неэффективнее, чем в Польше, Венгрии или Чехии. "Реальный социализм" у нас просуществовал намного дольше по времени, чем в этих странах, идеологическая и психологическая (чувство страха) заданность была намного сильнее. Эта историческая аномалия выросла глубокими корнями в стране. Россия получила в наследство кадры могучей советской номенклатуры, идейно "подготов-

ленных" директоров и ученых, не заклеила социализм как неэффективную, бесчеловечную и аномальную систему, не запретила Компартию, не принесла покаяние, что помогло бы ей сейчас двигаться по рыночному пути. Утопические умозрительные конструкции XIX в. получили в России в XX в. реальное воплощение в жизнь, от которого так просто не уйти.

Все, что происходило в России после октябрьского переворота 1917 г., находилось в стороне от главной дороги развития мировой цивилизации. Мы сами загнали себя в тупик, в изоляцию от этой цивилизации. Марксизм-ленинизм тоже оказался в стороне, на обочине магистрального пути развития мировой науки. И сегодня во весь рост стоит вопрос о возврате страны и общества на круги своя.

Строй и экономическая модель, созданные большевиками, оказались самыми неразумными не только в нашей стране, но и в истории тех стран, которые также экспериментировали с ними на горе своих сограждан. Сегодня мы отказались от того строя и той модели. Но эксперимент продолжался более 70 лет и унес много человеческих жизней. Поэтому великая революция в нашей стране — это не революция большевиков, не создание советской политической системы или экономической модели, а *создание реальной модели демократической политической системы, т. е. то, что делает новая Россия.*

Выводы

1. Советскую экономическую модель трудно понять без рассмотрения вопросов об исторических корнях большевизма и его практики в период "военного коммунизма".
2. Существуют внешние и внутренние источники большевизма в нашей стране. Внешние источники — это марксизм, практика "государственного социализма" в Германии при Бисмарке, всевозможные утопические теории и католицизм. Внутренние источники — это прежде всего российское народничество и первое поколение российских марксистов, вышедших из народничества.
3. Наиболее близким Ленину из всех народников был П. Ткачев, создавший свою теорию революции. С Г. Плехановым — последовательным марксистом — Ленин со временем разошелся. Плеханов не принял октябрьского переворота 1917 г. и предупредил о неизбежном крахе построения социализма в незрелой России.
4. Тем не менее большевики совершили переворот и в период "военного коммунизма" стали создавать нерыночную, работающую по плановым директивам экономику, отменили деньги, ввели прод-

разверстку. Уже в этот период стали формироваться первые контуры советской экономической модели.

5. В полной мере советская экономическая модель сформировалась в 30-х годах в процессе индустриализации и коллективизации. Основные ее черты: однопартийная система, государственная собственность, планирование, правящая номенклатура, строгая идеология и изоляция от внешнего мира. Главными инструментами функционирования этой модели являются партаппарат, хозаппарат и аппарат тайной полиции (КГБ).
6. Замена рыночных стимулов аппаратным командованием привела советскую экономику к полной деградации. Чисто управленческие подходы не содержали экономической мотивации, тормозили НТП. Вполне понятно, что советская экономическая модель, ставшая тупиковым, ненаучным выбором, не выдержала проверку временем и умерла естественной смертью.

Термины и понятия

"Великий перелом"

"Военный коммунизм"

Большевизм

Геноцид

Государственная собственность

Государственный социализм

Гражданская война

Диктатура пролетариата

Закон преимущественного роста средств производства

Идеологизация

Карточная система

Классовый подход

Коммунальность

Крестьянская община

Массовый дефицит

Менталитет коммунальности

Милитаризация экономики

Мировая революция

Народники

Народничество

Нечаевщина

Новые большевики

Общественно необходимые затраты труда

Оппортунизм

Остаточный принцип финансирования

Парадигма

Продразверстка

Революционный террор

Рыночный социализм

Советская номенклатура

Социальная организация общества

Сталинизм

Старые большевики

Технологический детерминизм

Трудовые армии

Утопия

Централизованное планирование и управление

Экономическая кибернетика

Вопросы и задания.

1. Дайте общее определение сути советской экономической модели. Из каких элементов и инструментов действия она состоит?

2. В чем вы видите истоки российского большевизма? Почему Россия отошла на практике от теоретической концепции Маркса?
3. Охарактеризуйте российское народничество.
4. Какую позицию в отношении социалистической революции занимал Плеханов?
5. Какие шаги предприняли большевики сразу после октябрьского переворота 1917 г.?
6. Почему провалился "военный коммунизм"?
7. Кто такие Мизес и Хайек и что они говорили по поводу социализма в СССР?
8. Как осуществлялось управление и планирование в советской экономической системе?
9. Э. Что вы можете сказать о положении простого работника на советском предприятии?
10. Чем отличалась эпоха застоя при Брежневе?
11. Что вы знаете об управленческих аспектах функционирования советской экономической модели?
12. Мы получили огромное экономическое наследство от бывшего СССР. Почему его надо было перестраивать?

Литература

Кудров В.М. Крах советской модели экономики. М., 2000.

Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 2003.

Мизес Л. Социализм: экономический и социологический анализ М., 1994.

Певзнер Я. Вторая жизнь. М., 1995.

Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 1992.

Szatmely T. The Russian Tradition. McGraw-Hill, 1974.